

Шукшин Василий Космос, нервная система и шмат сала

Философские проблемы:

1. *Выбора,*
2. *Чем жив человек*
3. *«космическое» и «земное»*
4. *человек должен иметь высокую цель в жизни, свой «космос», верить в него, иначе его жизнь будет неполной, лишенной красоты, но у него должно быть и то материальное (шмат сала в данном случае), без которого трудно прожить*

Старик Наум Евстигнеев хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал. Раз в месяц - с пенсии - Евстигнеев аккуратно напивался и после этого три дня лежал в лежку. Матерился в бога.

- Как черти копытьями толкут, в господу мать. Кончаюсь...

За столом, обложенным учебниками, сидел восьмиклассник Юрка, квартирант Евстигнеева, учил уроки.

- Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать!..

- Не надо было напиваться.

- Молодой ишо рассуждать про это.

Пауза. Юрка поскрипывает пером.

Старику охота поговорить - все малость полегче.

- А чо же мне делать, если не напиться? Должен я хоть раз в месяц отметиться...

- Зачем?

- Што я не человек, што ли?

- Хм... Рассуждения, как при крепостном праве.- Юрка откинулся на спинку венского стула, насмешливо посмотрел на хозяина.- Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

- А ты откуда знаешь про крепостное время-то? - Старик смотрит сверху страдальчески и с любопытством. Юрка иногда удивляет его своими познаниями, и он хоть и не сдается, но слушать парнишку любит,- Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка.

- Проходили,

- Учителя, што ли, рассказывали?

- Но.

- А они откуда знают? Там у вас ни одного старика нету.

- В книгах.

- В книгах... А они случайно не знают, отчего человек с похмелья хворает?

- Травление организма: сивушное масло.

- Где масло? В водке?

- Но.

Евстигнеев хоть тошно, но он невольно усмехается:

- Доучились.

- Хочешь, я тебе формулу покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу...Юрка взял было учебник химии, но старик застонал, обхватил руками голову.

- О-о... опять накатило! Все, конец...

- Ну, похмелись тогда, чего так мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение. Он бы похмелился, но жалко денег, Он вообще скряга отменный. Живет справно, пенсия неплохая, сыновья и дочь помогают из города. В погребе у него чего только нет - сало еще прошлогоднее, соленые огурцы, капуста, арбузы, грузди... Кадки, кадушки, туески, бочонки - целый склад, В кладовке полтора куля доброй муки, окорок висит пуда на полтора. В огороде яма картошки, тоже еще прошлогодней, он скармливает ее боровам, уткам и курицам. Когда он не хворает, он встает до света и весь день, до темноты, возится по хозяйству. Часто спускается в погреб,

сядет на приступку и подолгу задумчиво сидит. "Черти драные. Тут ли счас не жить" - думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

У Юрки другое положение. Живет он в соседней деревне, где нет десятилетки. Отца нет. А у матери кроме него еще трое. Отец утонул на лесосплаве. Те трое ребяташек моложе Юрки. Мать бьется из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка тоже хочет окончить десятилетку. Больше того, он мечтает потом поступить в институт. В медицинский.

Старик вроде не замечает Юркиной бедности, берет с него пять рублей в месяц. А варят - старик себе отдельно, Юрка себе. Иногда, к концу месяца, у Юрки кончаются продукты. Старик долго косится на Юрку, когда тот всухомятку ест хлеб. Потом спрашивает:

- Все вышло?

- Ага.

- Я дам... апосля привезешь.

- Давай.

Старик отвечает на безмене килограмм-два пшена, и Юрка варит себе кашу. По утрам беседуют у печки.

- Все же охота доучиться?

- Охота. Хирургом буду.

- Сколько ишо?

- Восемь. Потому что в медицинском - шесть, а не пять, как в остальных.

- Ноги вытянешь, пока дойдешь до хирурга-то. Откуда она, мать, денег-то возьмет сэстоль?

- На стипендию. Учатся ребята... У нас из деревни двое так учатся.

Старик молчит, глядя на огонь. Видно, вспомнил своих детей.

- Чо эт вас так шибко в город-то тянет?

- Учиться... "Что тянет". А хирургом можно потом и в деревне работать. Мне даже больше глянется в деревне.

- Што, они много шибко получают, што ль?

- Кто? Хирурги?

- Но.

- Наоборот, им мало плотят. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но все равно...

- Дак на кой же шут тогда жили из себя тянуть столько лет? Иди на шофера выучись да работай. Они вон по скольку зашибают! Да ишо приворовывают: где лешишко кому подкинет, где сена привезет совхозного - деньги. И матери бы помог. У ей вить ишо трое на руках.

Юрка молчит некоторое время. Упоминание о матери и младших братьях больно отзывается в сердце. Конечно, трудно матери... Накипает раздражение против старика.

- Проживем,- резко говорит он.- Никому до этого не касается,

- Знамо дело,- соглашается старик.- Сбили вас с толку этим ученьем - вот и мотаетесь по белому свету, как...- Он не подберет подходящего слова - как кто.- Жили раньше без всякого ученья - ничего, бог миловал: без хлебушка не сидели.

- У вас только одно на уме: раньше!

- А то... ирапланов понаделали-дерьма-то.

- А тебе больше глянется на телеге?

- А чем плохо на телеге? Я если поехал, так знаю: худо-бедно доеду. А ты навернесся с этого свово ираплана - костей не соберут.

И так подолгу они беседуют каждое утро, пока Юрка не уйдет в школу. Старику необходимо выговориться - он потом целый день молчит; Юрка же, хоть и раздражает его занудливое ворчание старика, испытывает удовлетворение оттого, что вступает за Новое - за аэропланы, учение, город, книги, кино...

Странно, но старик в бога тоже не верит.

- Делать нечего - и начинают заполошничать, кликуши,- говорит он про верующих.- Робить надо, вот и благодать настанет.

Но работать - это значит только для себя, на своей пашне, на своем огороде. Как раньше. В колхозе он давно не работает, хотя старики в его годы еще колушаются помаленьку - кто на пасеке, кто объездным на полях, кто в сторожах.

- У тебя какой-то кулацкий уклон, дед,- сказал однажды Юрка в сердцах. Старик долго молчал на это. Потом сказал непонятно:

- Ставай, пролятый заклеменный!.. - И высморкался смачно сперва из одной ноздри, потом из другой. Вытер нос подолом рубахи и заключил: Ты ба, наверно, комиссаром у их был. Тогда молодые были комиссарами.

Юрке это польстило.

- Не пролятый, а - проклятьем,- поправил он.

- Насчет уклона-то... смотри не вякни где. А то придут, огород урежут. У меня там сотки четыре лишка есть.

- Нужно мне.

Частенько возвращались к теме о боге,

- Чего у вас говорят про его?

- Про кого?

- Про бога-то,

- Да ничего не говорят - нету его.

- А почему тогда столько людей молятся?

- А почему ты то и дело поминаешь его? Ты же не веришь.

- Сравнил! Я - матерюсь.

- Все равно - в бога.

Старик в затруднении.

- Я, што ли, один так лаюсь? Раз его все упоминают, стало быть, и мне можно.

- Глупо. А в таком возрасте вообще стыдно.

- Отлегло малость, в креста мать,- говорит старик.- Прямо в голове все помутнело.

Юрка не хочет больше разговаривать - надо выучить уроки.

- Про кого счас проходишь?

- Астрономию,- коротко и сухо вато отвечает Юрка, давая тем самым понять, что разговаривать не намерен.

- Это про што?

- Космос. Куда наши космонавты летают.

- Гагарин-то?

- Не один Гагарин... Много уж.

- А чего они туда летают? Зачем?

- Привет! - воскликнул Юрка и опять откинулся на спинку стула. Ну, ты даешь. А что они, будут лучше на печке лежать?

- Што ты привязался с этой печкой? - обиделся старик.- Доживи до моих годов, тогда вякай.

- Я же не в обиду тебе говорю. Но спрашивать: зачем люди в космос летают? - это я тебе скажу...

- Ну и растолкуй. Для чего же тебя учат? Штоб ты на стариков злился?

- Ну во-первых: освоение космоса-это... надо. Придет время, люди сядут на Луну. А еще придет время - долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно доглядеть на них?..

- Они такие же, как мы?

- Этого я точно не знаю. Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая - больше давит.

- Ишо драться кинутся,

- За что?

- Ну, скажут: зачем прилетели? - Старик заинтересован рассказом. Непрошенный гость хуже татарина.

- Не кинутся. Они тоже обрадуются. Еще неизвестно, кто из нас умнее - может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьется, дальше полетим...- Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе.- Мы же еще не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

- Жениться, што ли, друг на дружке будете?

- Я говорю - в смысле образования! Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них все уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда то самое царство божие, которое религия называет - рай. Или ты, допустим, захотел своих сыновей повидать прямо с печки - пожалуйста, включил видеоприемник, настроился на определенную волну - они здесь, разговаривай. Захотелось слетать к дочери, внука понячить - лезешь на крышу, заводишь небольшой вертолет - и через какое-то время икс ты у дочери... А внук... ему сколько?

- Восьмой, однако,

- Внук тебе почитает "Войну и мир", потому что развитие будет ускоренное. А медицина будет такая, что люди будут до ста - ста двадцати лет жить.

- Ну, это уж ты... приврал.

- Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет-это нормальный срок считается. Мы только не располагаем данными. Но мы возьмем их у соседей по Галактике.

- А сами-то не можете - чтоб на сто двадцать?

- Сами пока не можем. Это медленный процесс. Может, и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но это еще не скоро. Быстрее будет построить такой космический корабль, который долетит до Галактики. И возможно, там этот процесс уже решен: открыто какое-нибудь лекарство...

- Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоест.

- Ты не захочешь, а другие - с радостью. Будет такое средство...

- "Средство"... Открыли бы с похмелья какое-нибудь средство - и то ладно. А то башка, как этот... как бачок из-под самогона,

- Не надо пить.

- Пошел ты!..

Замолчали.

Юрка сел за учебники.

- У вас только одно на языке: "будет! будет!.." - опять начал старик,- Трепачи. Ты вот - шешнадцать лет будешь учиться, а начнет человек помирать, чего ты ему сделаешь?

- Вырежу чего-нибудь.

- Дак если ему срок подошел помирать, чего ты ему вырежешь?

- Я на такие... дремучие вопросы не отвечаю.

- Нечего отвечать, вот и не отвечаете.

- Нечего?... А вот эти люди!..- сгреб кучу книг и показал,- Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

- Там читать нечего - вранье одно.

- Ладно! - Юрка вскочил и опять начал ходить по избе.- Чума раньше была?

- Холера?

- Ну, холера.

- Была. У нас в двадцать...

- Где она сейчас? Есть?

- Не приведи господи! Может, будет ишо...

- В том-то и дело, что не будет. С ней научились бороться. Дальше: если бы тебя раньше бешеная собака укусила, что бы с тобой было?

- Сбесился бы.

- И помер. А сейчас - сорок уколов, и вер. Человек живет. Туберкулез был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода - и человек как огурчик! А кто это все придумал? Ученые! "Вранье"... Хотя бы уж помалкивали, если не понимаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

- Так. Допустим. Собака - это ладно, А вот змея укусит?.. Иде они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет - и как рукой сымет. А вить она институтов никаких не кончала.

- Укус был не смертельный. Вот и все.

- Иди подставь: пусть она разок чикнет куда-нибудь... .

- Пожалуйста! Я до этого укол сделаю, и пусть кусает сколько влезет - я только улыбнусь.

- Хвастунишка.

- Да вот же они, во-от! - Юрка опять показал книги.- Люди на себе проверяли! А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал студентов и стал им диктовать, как он помирает,

- Как это?

- Так. "Вот,- говорит,- сейчас у меня холодеют ноги записывайте". Они записывали. Потом руки отнялись. Он говорит: "Руки отнялись".

- Они пишут?

- Пишут, Потом сердце стало останавливаться, он говорит: "Пишите". Они плакали и писали,- У Юрки у самого защипало глаза от слез. На старика рассказ тоже произвел сильное действие.

- Ну?..

- И помер. И до последней минуты все рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими вашими бабками еще бы тыщу лет в темноте жили... "Раньше было! Раньше было!.." Вот так было раньше?! Юрка подошел к розетке, включил радио. Пела певица.- Где она? Ее же нет здесь!

- Кого?

- Этой... кто поет-то.

- Дак это по проводам...

- Это - радиоволны! "По проводам". По проводам - это у нас здесь, в деревне, только. А она, может, где-нибудь на Сахалине поет - что, туда провода протянуты?

- Провода. Я в прошлом годе ездил к Ваньке, видал: вдоль железной дороги провода висят.

Юрка махнул рукой:

- Тебе не втолковать. Мне надо уроки учить. Все.

- Ну и учи.

- А ты меня отрываешь.- Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал читать.

Долго в избе было тихо.

- Он есть на карточке? - спросил старик.

- Кто?

- Тот ученый, помирал-то который.

- Академик Павлов? Вот он,

Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Старик долго и серьезно разглядывал изображение ученого.

- Старенький уж был.

- Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторые.Юрка отнял книгу.- И не валялся потом на печке, не матерился. Он в городки играл до самого последнего момента, пока не свалился. А сколько он собак прирезал, чтобы рефлексы

доказать!.. Нервная система - это же его учение. Почему ты сейчас хвораешь?

- С похмелья, я без Павлова знаю.

- С похмелья-то с похмелья, но ты же вчера оглушил свою нервную систему, затормозил, а сегодня она... распрямляется. А у тебя уж условный рефлекс выработался: как пенсия, так обязательно пол-литра. Ты уже не можешь без этого,- Юрка ощутил вдруг некое приятное чувство, что он может спокойно и убедительно доказывать старику весь вред и все последствия его выпивок. Старик слушал.- Значит, что требуется? Перебороть этот рефлекс. Получил пенсию на почте. Пошел домой... И ноги у тебя сами поворачивают в сельмаг. А ты возьми пройди мимо. Или совсем другим переулком пройди.

- Я хуже маяться буду.

- Раз помаешься, два, три - потом привыкнешь. Будешь спокойно идти мимо сельмага и посмеиваться.

Старик привстал, свернул трясущимися пальцами сигарку, прикурил. Затянулся и закашлялся.

- Ох, мать твою... Кхох!.. Аж выворачивает всего. Это ж надо так!

Юрка сел опять за учебники.

Старик кряхтя слез с печки, надел пимы, полушубок, взял нож и вышел в сенцы. "Куда это он?"- подумал Юрка.

Старика долго не было. Юрка хотел уж было идти посмотреть, куда он пошел с ножом. Но тот пришел сам, нес в руках шмат сала в ладонь величиной.

- Хлеб-то есть? - спросил строго.

- Есть. А что?

- На, поешь с салом, а то загнешся загодя со своими академиками... пока их изучишь всех.

Юрка даже растерялся.

- Мне же нечем отдавать будет - у нас нету...

- Ешь. Там чайник в печке - ишо горячий, наверно... Поешь.

Юрка достал чайник из печки, налил в кружку теплого еще чая, нарезал хлеба, ветчины и стал есть. Старик с трудом залез опять на печь и смотрел оттуда на Юрку.

- Как сало-то?

- Вери вел! Первый сорт.

- Кормить ее надо уметь, свинью-то. Одни сдуру начинают ее напичкивать осенью - получается одно сало, мяса совсем нет. Другие наоборот - маринуют: дескать, мясистее будет. Одно сало-то не все любят. Заколют: ни мяса, ни сала. А ее надо так: недельку покормить как следует, потом подержать впроголодь, опять недельку покормить, опять помариновать... Вот оно тогда будет слоями: слой сала, слой мяса. Солить тоже надо уметь...

Юрка слушал и с удовольствием уписывал мерзлое душистое сало, действительно на редкость вкусное.

- Ох, здорово! Спасибо.

- Наелся?

- Ага.- Юрка убрал со стола хлеб, чайник. Сало еще осталось.- А это куда?

- Вынеси в сени, на кадушку. Вечером ишо поешь.

Юрка вынес сало в сенцы. Вернулся, похлопал себя по животу, сказал весело:

- Теперь голова лучше будет соображать... А то... это... сидишь маленько кружится.

- Ну вот,- сказал довольный дед, укладываясь опять на спину.- Ох, мать твою в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

- Может, я пойду куплю четвертинку! - предложил Юрка.

Дед помолчал.

- Ладно... пройдет так. Потом, попозже, курам посыплешь да коровенке на ночь пару навильников дашь. Воротчики только закрыть не забудь!

- Ладно. Значит, так: что у нас еще осталось? География. Сейчас мы ее... галопом.-

Юрке сделалось весело: поел хорошо, уроки почти готовы - вечером можно на лыжах покататься.

- А у его чего же родных-то никого, што ли, не было? - спросил вдруг старик.

- У кого? - не понял Юрка.

- У того академика-то. Одни студенты стояли?

- У Павлова-то? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

- Дети-то были, поди?

- Наверно. Завтра узнаю.

- Были, конечно. Никого если бы не было родных-то, не много надиктуешь.

Одному-то плохо,

Юрка не стал возражать. Можно было сказать: а студенты-то! Но он не стал говорить.

- Конечно,- согласился он.- Одному плохо.